

УДК 364(091) + 27–46

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ДОНАУЧНЫХ ПОДХОДАХ К ТЕОРИИ ПОМОЩИ

М.В. Фирсов¹, Р. Ларионов²

¹Российский Православный университет, г. Москва

²Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Москва

Даны основные подходы к становлению донаучных концептов социальной работы. Донаучные концепты социальной работы были связаны с теологическими доктринами, в недрах которых зарождались первые теоретические подходы к помощи нуждающимся и их поддержки. М. Ричмонд в первых работах закладывала принципы работы с клиентами на основе их потребностей, исходя из целей и задач церковной практики помощи. На этой основе закладывались технологии индивидуальной работы со случаем.

Ключевые слова: *концепт любви, помощь, патернализм, нищенство, христианское социальное служение, социальная работа.*

Религиозно-христианские идеи помощи уязвимым слоям населения и их поддержки складывались на протяжении многих веков и к концу XIX в. оформились в религиозные концепты «бедности», в основе которых лежали христианских представления о «грехе» и «любви к ближнему».

Одним из первых, кто в социальном контексте на основе христианского мировоззрения стал осмыслять проблемы бедности, был просветитель и религиозный деятель Хуан Луис Вивеса. Как считает американский исследователь А. Кейт-Лукас, именно с Х.Л. Вивеса закладываются подходы к социальным аспектам бедности, которые на рубеже XIX–XX вв. будут основополагающими в теориях и практике христианского социализма во многих филантропических организациях, в том числе и «Христианской общественной организации», в которой долгое время работала М. Ричмонд [1, с. 72].

Х.Л. Вивес с позиций христианского гуманизма осмысляет проблемы нищенства в обществе. Такие подходы дали новый импульс к пониманию взаимоотношений между людьми всех сословий в средневековом обществе.

Во-первых, он разрушает сложившиеся взгляды на нищих как необходимый элемент общественных отношений. Он последовательно доказывает, что они не являются «средством» спасения для богатых, тем самым разрушает взаимообусловленное социальное единство «богатый – бедный», доминирующее в средневековом общественном сознании.

Нищий – это дитя греха и порока, и он меньше всего связан, с точки зрения гуманиста, с определенными классами и сословиями, поскольку «растерял свое состояние в разгульной жизни». Отсюда возникают две задачи, которые необходимо решить общественными силами.

Первая задача превентивная. Необходимо было воспитывать детей из состоятельных сословий в рамках нравственности и морали, чтобы они не опустились до состояния нищенства.

Вторая задача заключалась в том, чтобы предоставить работу нищим. Х. Л. Вивес считал, что «крепкие нищие» должны «не умирать от голода», но при этом должны испытывать нравственные страдания, «они должны чувствовать свои муки», поскольку состояние нищенства противоречит основам человеческой нравственности. Именно с этих позиций обосновывается необходимость предоставления работы для нищих, в ней гуманист видел не средство «воспитания лентяев», а естественное состояние человека, к которому должен вернуться нищий. Вот это сочетание социально-воспитательных задач и задач социального попечения становится той основой, на которой формируется архетип теоретической парадигмы европейской социальной работы, окончательное оформление оно получит лишь в начале XX в. [1, с. 20].

Во-вторых, патерналистские отношения между богатыми и нищими, Х. Л. Вивес предлагает изменить на отношения, подобные тем, которые складываются между работодателем и работником. Для этого он предлагает ввести в общинах должность префекта. В его обязанности предполагалось ввести разбор причин нищенства людей в общине, определение состояния здоровья и возможности или невозможности осуществлять трудовые функции тех или иных нищих, при этом он должен был хорошо разбираться с «тайнами немощи» тех, кто избегал всяческих видов работ.

Х.Л. Вивес отмечал, что предоставление работы невозможно при определенных болезнях и недугах людей. Так, для слепых он предлагал обучение музыке и пению. Подготовленные таким образом к жизни в общине, они впоследствии могли получать содержание. В таких подходах можно заметить формирование принципов «адресности», когда помощь оказывается на основе индивидуальных возможностей человека.

В подходах Х.Л. Вивеса находят отражение первые представления о необходимости создания благотворительных организаций в деле помощи нищим. Прообразом таких организаций становится естественная общественная ячейка, которой является семья. Семьи зажиточных и богатых граждан, с его точки зрения, могут быть привлечены префектами для решения определенных проблем. Так, они

бы могли организовывать обеды для нищих из специально приготовленных для них блюд. Эти идеи восходят еще к античной практике «афинских параситейнов», общественных столов для несостоятельных свободных граждан, но они дадут импульс в Новое время в христианских организациях к открытию общественных столовых для нищих.

Для Х.Л. Вивеса такие «обеды для нищих» имели свои прагматические задачи, предоставлялась целевая индивидуальная помощь, как бы мы сегодня сказали, на «основе целевого запроса». Такой вид помощи в семье выполнял и христианские воспитательные задачи: граждане и дети реализовывали христианские дела милосердия, «утешая, помогая и скорбя».

Особенность подходов Х.Л. Вивеса к помощи нищим заключалась в том, что помощь непосредственно осуществлялась в общине и жителями общины. В этой связи он переосмысливает функции христианского прихода, видя в нем не только религиозную общину, но и субъекта и объекта попечения и помощи нуждающимся на территории проживания. Этот подход в дальнейшем будет доминирующим в теории и практике социальной работы, а технологии социальной работы в микросоциальной среде станут базовыми методами работы профессионалов.

Христианские идеи гуманиста в дальнейшем будут развиты другими виднейшими деятелями христианской благотворительности. Так, Винсент де Поль ставит вопрос о необходимости общественной помощи нищим, в этом раскрываются христианские мировоззренческие основания служения ближнему, через которое реализуется идея спасения. В служении ближнему реализуются важнейшие христианские императивы, такие, как жертвенная любовь, сострадание, милосердие, а также общественные принципы жизнедеятельности, связанные с социальной справедливостью [2, с. 142].

Христианские подходы Томаса Чалмерса к помощи бедным и нищим основаны не только на концептах милосердия, но и на методах исследования бедности. Можно отметить, что постепенно в христианское познавательное пространство «внедряются» эмпирические методы познания, которые обогащают дедуктивные методы изучения потребностей нищих и бедных. Он обосновывает методы исследования «нужды» нищего, его потребностей и состояние положения нищего в текущий момент времени, что становится частью концептов помощи нуждающихся [3, с. 30].

Однако отношение к нищим основано на императивах христианской любви, где нет ненависти и социального пренебрежения. В этих подходах реализуются доктрины католической Церкви. Так, папа Пий XI, в обращении к пастве декларировал, что богатые и

представители власти должны «бережно относиться к своим бедным братьям», «любезно» относиться ко всем их жалобам и просьбам и «легко прощать им ошибки», даже те, которые они допустят в будущем.

Можно отметить, что постепенно к концу XIX столетия на основе христианского милосердия и человеколюбия стало оформляться движение благотворительных организаций, в основе которых лежали идеологемы христианского социализма. Среди многих филантропических светских организаций, как в Западной Европе, так и в США, Скандинавских странах, большое представительство имели в этот период христианские религиозные организации.

В США наиболее влиятельной организацией, в которой долгое время проработала М. Ричмонд, была Христианская общественная организация. Как считает американская исследовательница К. Амато ван Хамерт, ранняя теория индивидуальной социальной работы М. Ричмонд была сформирована именно на теологических доктринах в этой общественной организации, а метод работы с клиентами на основе подходов «дружеских визитеров» станет основой для пошаговой работы с клиентами в первой трети XX в. [4, с. 48].

Доктрина христианского служения, в основе которого лежали концепты «бедности», «греха», «любви», претерпевали изменения в практической деятельности христианских благотворителей. Этому способствовали такие явления, как особенности запросов нуждающегося человека или семьи, специфика ситуации бедности и нищенства, которые не укладывались в христианские представления о социальном служении ближнему. Эти особенности и противоречия намечаются в практических подходах М. Ричмонд и находят отражение в ее книге «Дружеский визит к беднякам».

М. Ричмонд, по мнению многих исследователей, считается основательницей медицинской модели помощи. Традиционно формирование этой модели связывают с практикой ее деятельности в профессиональный период становления социальной работы, тем не менее в период работы в благотворительной христианской организации теологические установки и принципы работы с малообеспеченными гражданами сыграли свою роль в становлении данной модели помощи.

Медицинская модель помощи клиенту М. Ричмонд начинает складываться на основе теологических христианских концептов и представлений еще в конце XIX в. В основе лежал догмат о роли Церкви в деле помощи ближнему. М. Ричмонд считала, что «Церковь всегда была и будет оставаться главным источником благотворительной энергии, Церковь будет лидером в благотворительных экспериментах и в расширении сферы благотворительной деятельности» [5, с. 167]. Такое утверждение было основано на анализе реальной практики, где доля помощи христианских организаций нищим и бедным гражданам была

значительно выше, чем социальных государственных агентствах, к тому же спектр деятельности был значительно шире: от «защиты бедных детей и безнадзорности» до «санитарно-образовательных реформ», как об этом писала сама исследовательница.

К тому же Церковь являлась «природным источником помощи», основополагающим, который влиял на другие источники – «родственников, друзей и соседей», которые по отношению к ней находились в подчиненном отношении. Вот эти субъект-объектные отношения, главные и подчиненные, закладываются в концептах «дружеских визитеров» и в дальнейшем будут переноситься в теорию медицинской модели, на этих основаниях будет закладываться директивная модель теории и практики социальной работы [6, с. 170].

Вслед за М. Фуко, можно утверждать, что в основе субъект-объектных отношений лежали принципы пасторской работы, которые были характерны для деятелей Церкви, и отношения пастырь – прихожанин, ведущий и ведомый, имплицитно было заложено в отношениях между дружескими визитерами и нуждающимися, определяли философию деятельности, когда благотворитель «знает», что необходимо бедному [6].

На формирование медицинского подхода к клиенту в диагностической теории М. Ричмонд влияли понятийные дихотомии, своеобразные «матрицы» понимания развития ситуации. Теологические концепты «греха» и «любви», как противопоставления, как крайние проявления жизнедеятельности человека в концептах помощи в «Дружеских визитерах», примут свои противопоставления в медицинской модели как «норма» и «патология».

Понятие «греха» является одним из наиболее важных концептов христианской культуры, без которого невозможно понять духовное и нравственное измерение христианской этики. Так, например, славянская и русская этимология этого термина до конца неясна, однако в древних письменных памятниках, которые, как правило, были переводами с древнегреческого языка, присутствует глагол «грешити», передающий греческий глагол *ἁμαρτάνω*, что переводится как «грешить», «совершить проступок», «провиниться». Понятие «греха» передается в ранней христианской литературе терминами *ἁμαρτία* (грех), *παράπτωμα* (падение, согрешение), *παράβασις* (проступок). Если обобщить всю христианскую литературу по этому вопросу, то «грех» можно определить как нарушение норм бытия сотворенного Богом мира, уклонение во зло. Согласно христианскому вероучению, зло не обладает самостоятельным бытием, так же как болезнь не существует отдельно от организма. В различных дуалистических религиозных и философских системах зло представляется существующим на «паритетных» началах с добром, т. е. злое начало совечно Богу и

обладает бытием. Для таких систем остается непонятной христианская концепция любви, онтологический смысл которой выражен в послании Иоанна Богослова: «Бог есть любовь» (1 Ин 4. 8). Как может существовать грех в мире, который Богом сотворен «хорошо весьма» (Быт 1. 31) и каков тогда статус зла? Разрешением этого кажущегося противоречия служит представление о сотворении Богом существ (ангелов и людей), обладающих, подобно Богу, способностью любить, что предполагает личностное начало и свободу воли. Наличие воли подчеркивает божественный образ ее носителя, но одновременно дает ему возможность выбирать не только добро, но и зло, т. е. отказаться от Бога. Однако христианское учение говорит о том, что духовное совершенствование, к которому призываются и ангелы, и люди, позволяет достигнуть состояния совершенной свободы, когда воля уже не желает выбирать между добром и злом, но всегда выбирает добро. И любовь – это как раз тот инструмент, который ведет волю к совершенству. Согласно учению апостола Павла, «любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13. 4-7). Однако апостолы в различных местах Нового Завета предостерегают: вера может оказаться «мертвой» и бесовской (Иак 2. 17, 19), а любовь – лишь «словом» (1 Ин 3. 18), за которым кроется лицемерие и эгоизм. Христиане призываются к активной жизненной позиции, к неустанному исполнению заповедей, главные из которых – любовь ко Христу и ближним. Таким образом, христианская жизнь в борьбе с грехом приобретает социальное измерение и значимость.

В книге «Дружеский визит к беднякам» концепт «греха» в доктринах помощи не связан с только теологическими эсхатологическими доктринами, но осмысливается в том числе в фокусе социальной жизнедеятельности человека.

Так, М. Ричмонд считает «нормой» (концепт христианской любви) жизнедеятельности семьи, когда ее члены связаны взаимной заботой друг о друге. Отец семейства прилагает усилия для «обеспечения членов семьи», мать занимается домашним хозяйством, дети «послушны и обучаемые», помогают своим родителям, готовятся в будущем опекать их. Это «норма» социального функционирования семьи. При отсутствии этих «элементов», как писала М. Ричмонд, происходит отклонение от нормы, дом «становится фиктивным домом, местом греха и социальной неустроенности» [5, с. 141].

Основополагающие принципы работы со случаем М. Ричмонд связывает с действиями, направленными на облегчение ситуации

человека. Нормативные действия определяют цели, достижение которых возможно при соблюдении определенных правил.

Причем, в отличие от социальной работы, где клиент занимает различные ролевые позиции, ранняя технология помощи, базируясь на христианских идеологемах, поддержку оказывала только бедным, которые были основными и единственными клиентами помощи, что и определяло как их ролевые позиции, так и позиции помощников, которые строились на основе директивных взаимодействий.

Принципы в «индивидуальной работе» со случаем М. Ричмонд основывает на патерналистских христианских основаниях, где существует безусловная главенствующая роль отца как гаранта обеспеченности и социальной стабильности семьи. В этой связи характерен первый принцип, которыми должны руководствоваться дружеские визитеры при работе с клиентом.

«Первый принцип – облегчение в том, что помощь должна быть предоставлена индивидуально и конфиденциально в доме и что глава семьи должен нести ответственность по всем вопросам облегчения».

Здесь закладываются и технологии работы с клиентом, которые найдут отражение в последующие годы. В отличие от других помогающих профессий, когда клиент приходит к профессионалу, социальный работник, как и «дружеский визитер», так же как и священник, непосредственно приходит к нуждающемуся прихожанину. Этот принцип иллюстрирует еще более древние благотворительные принципы помощи, принятые в западной цивилизации, когда помощь оказывалась в учреждениях («закрытая модель помощи») и когда поддержка осуществлялась непосредственно на дому («открытая модель помощи»).

Второй принцип связан с источниками помощи. Тот принцип, который будет доминирующий в медицинской модели индивидуальной работы, «среда–личность», здесь существует в следующей интерпретации: «Второй принцип облегчения в том, что мы должны искать самые естественные и наименее официальные источники помощи, имея в виду родственные связи, дружбу и добрососедство, но при этом мы должны избежать расширения источников помощи».

Третий принцип работы с нуждающимся: «... облегчение в том, что помощь должна быть реализована исходя из ослабления настоящего страдания, но содействовать его будущему благополучию». С одной стороны, здесь заложен древний медицинский принцип «*noni posere*» (не навреди), а с другой – в ранних принципах М. Ричмонд закладывается технологический подход в индивидуальной работе со случаем, связанный с прогнозом развития ситуации, который станет нормативным требованием в медицинской модели социальной работы и частью технологического процесса.

Четвертый принцип связан с объемом помощи бедным. Поддержка не должна противодействовать активности и самостоятельности бедного, социальной инициативе человека. Помощь должна иметь определенную меру, чтобы, как это было в истории христианской помощи, не формировать иждивенческие установки у бедного человека. «Четвертый принцип облегчения в том, что лучше давать немного, чем очень много, помощь должна быть адекватной».

Пятый принцип работы с бедными, как писала об этом М. Ричмонд, основывался на том, что «мы должны помочь бедным понять правильные отношения вещей, что наши причины предоставления облегчения требуют с их стороны сердечного сотрудничества и усилий, способствующих улучшению». Здесь эмпирическим путем М. Ричмонд выходит на принципы рабочего альянса между терапевтом и пациентом, который будет сформирован позднее в практической психотерапии. Эмпирическим путем добровольные помощники приходят к пониманию, что пассивная позиция нуждающегося не способствует решению его проблем.

Шестой принцип работы с беднейшими слоями населения исходил из «теории потребностей»: «...мы должны найти такую форму помощи, которая будет наилучшим образом соответствовать конкретной потребности». Реальные социальные потребности человека постепенно расширяют доктрины христианского милосердия, они уже не укладываются в концепты «милостей духовных и телесных», что дает импульс для развития новых моделей помощи [5, с. 173-181].

Интерес представляет описание технологии помощи бедным. Эмпирическая практика «дружеских визитов» ставила перед помощниками задачи адресной поддержки нуждающихся, которую обозначил еще Х.Л. Вивес.

Однако адресная помощь требовала изучения потребностей человека или семьи, в это связи М. Ричмонд предлагает использовать диагностическую методику, помогающую сформировать целостное представление о семье или человеке. Методика исследования основана на описании ряда положений жизнедеятельности нуждающегося, при этом выделяют несколько уровней «историй бедного», которые позволяют с различных сторон описать его ситуацию.

М. Ричмонд описание ситуации бедного предлагает исследовать через «социальную историю», «физическую историю», «рабочую историю», «финансовую историю», именно эти «истории» позволяют создать объективную историю бедности. В дальнейшем методика «истории клиента» станет основой как диагноза, так и оценки ведущих методик исследования ситуации клиента в целостном технологическом процессе социальной работы.

«Социальная история» предполагает сбор следующих данных о бедном: возраст, место рождения, семейное положение (брак), место жительства (количество помещений, занимаемых семьей), образование; имена, адреса и состояние родственников и друзей, принадлежность к Церкви, информация о предыдущих организациях, оказывающих помощь.

«Физическая история»: описание здоровья каждого члена семьи, вредные привычки, контакты лечащего врача.

«Производственная история»: род деятельности, адреса бывших и сегодняшних работодателей, трудоспособность работника, как долго находится без работы, в какое время года трудовая занятость и как долго.

«Финансовая история»: наличие долгов, в том числе и в рассрочке, страхование жизни, членство в профсоюзах, сбережения, доход, средства к существованию кроме заработной платы, пенсии, источники и объем благотворительных обществ [5]

Помимо получения непосредственной информации от нуждающегося, эмпирическим путем «дружеские визитеры» приходят к пониманию того, что предоставленная информация должна быть проверена. Так в теории социальной работы зарождаются методы триангуляции, которые верифицируют полученные данные и в дальнейшем будет использоваться в качестве обязательного компонента исследования проблемы клиента.

М. Ричмонд предлагает уточнять полученную информацию у друзей, родственников, учителей воскресных школ, пастора, лечащего доктора, работодателей и «других милосердно заинтересованных лиц». Можно отметить, что в данных подходах начинают формироваться диагностические подходы к пониманию проблем клиента, которые она опишет в дальнейших своих работах [5, с. 189].

И еще одно замечание по поводу влияния теологических концептов на формирование теоретической парадигмы социальной работы. Парадоксальность заключается в том, что описание проблемы клиента осуществлялось в дискурсах экономики и свободного рынка, но объяснения его поступков и мотивов – в логике теологических дискурсов. Человек в донаучных концептах представлял собой не образ «жертвы рыночных отношений», а создание по образу и подобию Бога. Возможно, и этот факт явился основополагающим, когда с изменением филантропической парадигмы помощи на профессиональную доминантами понимания духовного начала человека становятся психологические дискурсы, а не экономические и политические, которые так и останутся в теории социальной работы только контекстом проблемы клиента [7].

Список литературы

1. Keith-Lucas A. The poor you have with you always. NAACSW, 1989.
2. Фирсов М.В. История социальной работы. М.: Кнорус, 2012. 400 с.
3. Целых М.П. Социальная работа за рубежом: Великобритания. М.: Академия, 2010. 144 с.
4. Amato-von Hemert K. Battle between sin and love in social work history // Christianity and social work. NAACSW, 2002.
5. Richmond M. E. Friendly visiting among the poor a Handbook for Charity Workers. London: MacMillan & Co., Ltd. 1907.
6. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: «Наука», 2007. 677 с.
7. Richmond M. Social diagnosis // Социальные науки: реферат. сб. / сост. и науч. ред. З.Х. Саралиева. Н. Новгород: НИСОЦ, 2012. Вып. 7. 495 с.

CHRISTIAN THEOLOGICAL CONCEPTS IN PRE-SCIENTIFIC APPROACHES TO THE THEORY OF HELPING

M. Firsov¹, R. Larionov²

¹Russian Orthodox University

²Natsionalny Research Nuclear University «MEPhI»

The article presents the main approaches to the formation of pre-scientific concepts of social work. Pre-scientific concepts of social work were associated with theological doctrines that were born in the depths of the first theoretical approaches to help and support those in need. M. Richmond in her early works laid the principles of working with customers based on their needs, based on the goals and objectives of church practice aid. On this basis, the technology of individual work with the casewas established.

Key words: *concept of love, care, paternalism, begging, Christian social service, social work.*

Об авторах:

ФИРСОВ Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, руководитель кафедры-центра социальной работы Православный институт Святого Ионна Богослова Российского Православного университета (127473, г. Москва, пер. Чернышевского, д. 11 А, стр. 1), mihail_firsov@mail.ru

ЛАРИОНОВ Родион – иеромонах, кандидат физико-математических наук, кандидат богословия, заместитель заведующего кафедрой теологии Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (115409, г. Москва, Каширское ш., 31)